

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ЭСТЕТИКА УЛИЦЫ В РАННЕЙ АНТИЧНОСТИ: истоки западной философии

Начало — половина дела.

Платон

...А хорошее начало — больше
половины дела.

Аристотель

Так называемая «философия Древнего Востока» не возникает на улице. Место ее появления — это монастыри и придворные апартаменты. Истоки западной философии не имеют никакого отношения к жречеству и дворцовой жизни. То, что называют «античной наукой» и «античной философией», возникает именно на улице, только «улица» в античном полисе не сводилась к проезжей части.

В русском языке, например, «улица» означает свободное пространство между рядами домов «лицом друг к другу». Это не переулок, не закуток, не площадь, не тупик. С другой стороны, улица означает «вне дома»; дети говорят: «пошел на улицу». В древнегреческом языке улица (обос) тоже означает «выйти за порог» (ουβος — порог); улица одноименна с дорогой, точнее, с городской дорогой. Но поселение под названием «полис» является не простым городом, и дороги там тоже не просто дороги. В полисе дороги по своему возникновению и содержанию являются «дорогами к своему дому». В выражении «свой дом» надо чувствовать очарование. Это не квартира, не съемное жилье, не халупа, — а материальное право на гражданскую и семейную благодать.

Слово «дом» в таких языках, как русский, древнегреческий и санскрит, звучит почти одинаково: «дома» в санскрите, «домос» в древнегреческом. Во всех трех языках слово дом имеет двойное значение: 1) жилище; 2) проживание семьей. В полисе дом стал чаще называться «экос» («ойкос» в другом произношении) — как жилой дом-фабрика на одну семью. В экосе уже нет «семейного уюта»: на первом месте производство и экономика. Аналогично в русском языке: два значения слова «дом» все больше расходятся: дом как любое здание; дом как семейный уют.

Нужно понимать, что в античном полисе (городе-государстве) феномен семейного уюта исчезал в экосе, но появлялся на «дороге к своему дому». Смысл уюта обретался не в доме-экосе как частной собственности одной семьи, а в «дороге к своему дому». В современной философской литературе оскомиனு набило понятие «агоры» (площади). Площадь в античном городе возникла из пустыря на пересечении дорог и архи-

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

тектурно оформилась в довольно поздний период античной цивилизации. Изначально и долгое время агора — это пустырь, базар, рынок, ярмарка, сходка, судилище, отнюдь не место для философии и науки. Иное дело улица как «дорога к дому», причем с учетом всей метафоричности этого выражения.

Когда археологи делают раскопки античных городов, они мечтают о дворцах и храмах. По отношению к ранним цивилизациям это уместно. Во втором тысячелетии до нашей эры на Крите и в Аттике действительно существовали дворцы и храмы. Но после ряда землетрясений, после Троянской войны почти на пять столетий дворцовые цивилизации исчезли, территории пришли в запустение. Лишь к VIII веку до н. э. стали оформляться новые поселения: но без дворцов, храмов, мазанок и землянок. Город застраивался «средним классом»: у всех капитальный дом на одну мастерскую семью. Новые поселенцы для своего постоянного обитания выбирали странный ландшафт: не берега рек и морей, не горы или долины, не степи или лесные равнины. Поселенцев привлекала исключительно мелкохолмистая территория с укромным выходом к морю. Туристы могут иметь представление о ландшафте полиса по Афинам и Риму.

Освоение территории начиналось одновременно с верхушек холмов. На холме силою одной семьи возводилось каменное домостроение (материал песчаник) в двух уровнях с закрытым внутренним двориком. Иногда говорят «с домом вокруг двора». Первый этаж использовался для производства одного вида товара силами самой семьи, второй отводился под жилье. Семья включала в себя не родственников (приживальцев), которые жили в рабочей (служебной) зоне, отчего сформировалось античное представление о «рабах» (без уничижительного значения). На момент формирования поселений нового типа существовал только один тип «рабства» — приживальцы, например, жертвы кораблерушений, беженцы. Историки называют это «домашним рабством». Довольно примечательно, что в поэмах Гомера о рабстве не упоминается; есть только «служанки», реже «слуги». Изначально античное «рабство» было формой гуманизма: человека приютили; он, естественно, не ел свой хлеб даром; но и в свои жилые покои его ночевать не пускали. В истории человечества всегда были «формы зависимости», среди которых очень немногие можно отнести к рабству, хотя в метафорическом плане — все.

Слова «домос» и «экос» почти синонимии, но для культуры имеют значение их отличия. Домос ориентирован на уют домашнего очага и теплоту родственных отношений, поэтому домос украшается изнутри всеми доступными средствами: коврики, мебель, игрушки, памятные дары, красивая утварь. Иначе в экосе: это фабрика, ночлег, харчевня. Экос изнутри не украшается, в интерьер не вкладываются деньги. Экос украшается снаружи, причем не ради строения; у экоса на вершине холма четыре фасадных стены — и все они видны с дороги. Дома в античном полисе раскрашивали не менее ярко, броско, кричаще, чем современные рекламы.

Дорога к своему дому, часто не в единственном экземпляре, приобретает не только важное хозяйственное значение, но и конкретно-символическое: это торговая марка, престиж, политический вес домовладельцев («демоса»). Экономика экоса, основанная на семейной рабочей силе, да еще при отсутствии конкуренции (на основе договорных отношений), приносила весьма ощутимый доход. Сложилась практика большую часть финансов вкладывать в «дорогу к своему дому»: лестницы, портики, балюстрады, зеленые ограждения. Естественным образом город превращался в парк.

Улица — в широком культурологическом значении — существенно зависит от климата и погоды. При иных погодно-климатических условиях улица при самом лучшем благоустройстве может оказаться необитаемой. Не так было в Северном Средиземно-

морье. К вечернему моциону даже в самые жаркие месяцы наступала прохлада. Трудные будни «семейного подряда» заканчивались, и наступало время досуга: облачение в наряды и мерный проминад («перипатос») от холма до холма по положим мраморным мощениям. Как пронциательно отмечал О. Шпенглер, «любая античная этика есть этика осанки» [Шпенглер, 1993. с. 531]. Улица была тем местом, где осанка была не выправкой, а присягой горожан добродетели и гражданству своего отечества.

Античная улица всем располагала к досуговому общению (в отличие, кстати, от агоры). Кроме обычной соседской болтовни, сложилась практика на ходу слушать рассказы путешественников: о войнах, болезнях, праздниках, религиях, о животных и растениях, об обычаях у разных народов. Каждый вечер новые люди рассказывали новые истории и несли новые знания. Тогда и сложился «образовательный досуг» («схолэ») — своего рода школа на свежем воздухе в свободное время.

Неудивительно, что новая форма поселения у самих поселенцев вызывала восторг, оборотной стороной которого явился всенародный патриотизм. Между тем гражданское общество имело свою «ахиллесову» пята: кризис семьи в условиях товарного семейного производства. М. Вебер с полным основанием мог называть тип хозяйствования в экосе «античным капитализмом», который со временем выродился в рабовладение. Классики марксизма, предлагая «учение о формациях», недостаточно знали раннюю историю Европы, а частично и вовсе не знали ее, особенно древнюю. При семейном товарном производстве «рабочей силой» становятся дети: чем их больше, тем лучше. Дети заводятся бесплатно, работают за еду; ребенка часто сдавали работником в аренду соседу на три года. Из семьи стали устраниваться родственные отношения. Детей заводили, чтобы они работали, подростки ждали наследства. Обратной стороной семейного финансового благополучия стал кризис семьи. Как писал Геродот: «Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то, старых родителей скоро совсем почитать перестанут <...> Правду заменит кулак <...> Где сила, там будет и правда <...> Стыд пропадет» [Античная литература, 1989, с. 63].

Право (если не долг!) быть богатым в родном городе никто не отменял, но возникла проблема совмещения этого права с нравственностью. Первый философский вопрос западной цивилизации возник еще до появления западной философии: это вопрос о совмещении богатства и нравственности — в сфере воспитания детей и взрослых. Полис в античной цивилизации был не просто городом в экономико-политическом значении, но всегда был городом с принудительным воспитанием детей и взрослых. Об успехах такого воспитания свидетельствует тот факт, что богатые жили скромно, старательно избегая роскоши и даже впадая в аскезу.

Ответ на философский вопрос о воспитании дала улица. Появились рассказчики, которые одновременно были богатыми и нравственными, а с появлением законов государства еще и законопослушными. По их примеру сформировался идеал горожанина (гражданина, у римлян «цивитас»): надо быть одновременно богатым, нравственным и законопослушным. Ушлым в практических делах грекам было понятно, что это невозможно: богатым трудно оставаться нравственными и законопослушными; нравственным труднее разбогатеть и легче оказаться под судом. Людей, способных представлять идеал нации в форме «богатый, нравственный, законопослушный» стали называть «софосами» (мудрецами); их было меньше, чем городов в Элладе, а в некоторых городках и странах не бывало никогда.

Первый этап античной философии, подготовительный, получил название «эпоха семи мудрецов». Софосы гуляли по улицам в часы «образованного досуга» и вели беседы на тему «лучше потеря, чем дурная прибыль», «жадный всегда беден», «ничего сверх меры». Даже богатым надо быть не сверх меры, и доброте есть предел. Пока-

зателен совет Солона, обращенный в закон: «Кто выколет глаз одноглазому, тому выколоть оба» (мораль: живешь рядом с одноглазым, даже в ссоре будь внимательным). Античная педагогика взывала к мудрости. Софосы оказали влияние на формирование писаных законов и возникновение правового государства на основе принципа разделения властей (реформатор Солон сам был известен в качестве софоса). Софосы привили горожанам «любовь к мудрости» еще до появления собственно «философии». Довольно забавно, что в русской культуре нет понятия «мудрость». Слово «мудрец» звучит или архаично, или иронично. В античном полисе «мудрец» означало такого человека, которому удавалось одновременно быть богатым, нравственным и законопослушным, о чем я писал четверть века назад [Костецкий, 2000] без надежды быть услышанным. В стране тысячами издавались учебники с сентенциями типа «философия — это мировоззренческое мышление или мыслящее мировоззрение» [Чанышев, 1981, с. 25], «античная философия в целом — философия рабовладельческого общества» [с. 123]. О софосах не вспоминали.

Советы софосов передавались из уст в уста в виде коротких изречений («гномов»); позднее римляне назвали гномы сентенциями. Одна из сентенций имела особое значение, в качестве принципа: «Жить надо по природе». Дело в том, что в правовом государстве надо соблюдать законы, но чем определяется справедливость законов? Законы создаются людьми, людям свойственно ошибаться: даже нравы могут быть вредными, равно как экономический рост. В качестве общей меры нравственности, правопорядка и коммерческого успеха софосы потребовали обращения к «природе» («фюсис»).

В культуре «перипатоса» возникла новая плеяда рассказчиков, получивших название «физиологи» (говорящие о природе). Тема «О природе» оказалась востребованной, в том числе по причине изрядной доли остроумия в доводах рассказчиков. Например, все видят, что линия горизонта имеет вид дуги. Варианты: земля — это диск; земля — цилиндр; земля — это шар. В рассказах появляются факты наблюдений, выдвигаются гипотезы, приводятся аргументы — и все это на улице, на виду всех гуляющих. Античная наука зарождалась в форме интеллектуального озорства, родственного в культурном отношении загадкам и шарадам Древнего Востока. Никакого отношения к рационализации мифов, к десакрализации мировоззрения, к трудному пути «от мифа к логосу», к рефлексии над астрономией и математикой Вавилона наука античности не имела. Первоначально науку даже к «знанию» не относили, не то что к «мудрости». Фалеса отнесли к софосам не за тезис «все есть вода», а за умение наживать богатство, не вступая в противоречие с нравственностью (известная история с оливковыми маслобойнями). Предсказание солнечного затмения лишь укрепило авторитет Фалеса как софоса. Об остроумии Фалеса, сопряженного с трагическим миропониманием, история не забыла сохранить свидетельства. На вопрос, почему он не заводит детей (это же выгодно!), Фалес ответил кратко: «Потому, что люблю их». «За что благодарен судьбе? — За то, что человек, а не животное; за то, что эллин, а не варвар; за то, что мужчина, а не женщина».

Можно сказать, что физиологи (натурфилософы), в отличие от софосов, со своей задачей «понять природу» при всем обилии попыток не справились. Чем больше вникали в тезис «надо жить по природе», тем меньше понимали природу. В итоге, уже после Сократа, пришли к выводу, что природа распознается через человека, а не через звезды, моря, флору и фауну. С возникновением христианства в философии возник тезис, прямо противоположный мудрости софосов: «Не надо жить по природе!» Надо жить по духу.

В XVIII веке в русле эпохи Просвещения стали появляться книги с попыткой дать систематическое изложение греческой философии; обзор работ представлен Э. Целле-

ром [Целлер, 1996, с. 15–20]. Естественно, что авторы монографий увязали возникновение западной философии с научными прожектками физиологов, начав с Фалеса. В силу колоссальной филологической и исторической эрудиции немецких авторов не мог не возникнуть вопрос «о предпосылках античной философии». Неожиданно вопрос при всех усилиях оказался неподъемным.

Проблема в том, что все социально-экономические, культурные факторы повторялись в разные времена и по всему миру неоднократно, но западная философия возникла лишь однажды и только в Элладе. Рим, во многих отношениях повторяя культуру Эллады, философию вынужден был заимствовать. Столетние усилия многоопытных и эрудированных историков философии закончились признанием Э. Ренана: возникновение западной философии есть «греческое чудо». Сверхталантливый народ, сверхблагоприятные ландшафт и климат, сверхуникальная организация города — вот и «греческое чудо». Собственно, и Э. Целлер склоняется к тому, что с этим должно согласиться. «Подлинные причины возникновения греческой философии, — писал он, — заключаются в счастливой одаренности греческого народа, в возбуждающем действии на него его географического положения и истории...» [Целлер, 1996, с. 23]. Другой его современник, известный антиковед Т. Гомперц придавал особое значение колонизации: «Решающее влияние на судьбы духовной жизни Греции оказали, однако же, колонии <...> Колонии были как бы огромными „опытными полями“ эллинского духа, на которых он мог испытывать свои способности при наибольшем разнообразии условий и развивать все дремлющие в нем задатки» [Гомперц, 1999, с. 9–11].

Надо заметить, что столетие спустя после Целлера и Гомперца ситуация в исторической науке мало изменилась: те же переливы «от мифа к логосу», те же «мифогенные» и «гносеогенные» гипотезы, апелляции к разложению родового строя, отсылы к рефлексии и рационализации мышления. Не ново, не оригинально, не убедительно. Что касается России, то она шла в русле немецкого антиковедения, не делая ни шага вперед. Останавливаться на мнениях А. Ф. Лосева или В. Ф. Асмуса и даже работ, вроде специально посвященных этому вопросу [Донских, Кочергин, 1993], не имеет смысла.

Французский филолог и историк Ж.-П. Вернан в 1962 году издал трактат «Происхождение древнегреческой мысли», начав издавелека — с крито-микенской цивилизации. Далее, как всегда, «темные века» (пять столетий), миграции племен, переселенцы, колонизации, — в итоге все свелось к пресловутой «рационализации» (жизни и мышления). В «Заключении» своего трактата Вернан писал: «Становление полиса, рождение философии — весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления» [Вернан, 1988, с. 156]. По непонятным причинам французский автор для выяснения «происхождения древнегреческой мысли» прибегает к подробному разбору крито-микенской цивилизации, что совершенно бесполезно для понимания истоков античной философии. С другой стороны, Ж.-П. Вернан не обращает внимания на то, почему переселенцы, в среде которых и возникла философия, для полиса выбирали мелкохолмистую местность, в каком порядке шла застройка холмов: сверху вниз или снизу вверх; городская застройка начинались с центральной площади или ею заканчивалась, чем экос отличается от домоса, какими были внутрисемейные отношения и почему «рабам» доверяли покупку ювелирных украшений при самостоятельной поездке в другой город. Культурологические подробности, безусловно, возвращают историческим мыслям конкретность, и, должен признаться, я благодарен Вернану за сам ход мыслей.

Складывается впечатление, что у историков нет понимания того, что в «эпоху архаики» миграции населения часто носили не этнический («родо-племенной»), а сослов-

ный характер. Например, мигрирует военная аристократия — возникает «дворцовая культура»: дворец, армия, ремесленники, сельские окраины цитадели. Мигрирует после крупного военного поражения часть армии — возникает «культура казачества»: военизированные деревни и хутора на основе местного поселения (и местных женщин). Точно так же возможна массовая миграция ремесленников в так называемые «медвежьи углы» (в европейском средневековье). Поселения мигрировавших ремесленников обязательно образуют особый тип поселения под названием «полис», — неважно, будет ли он за бугром («бурги» в эпоху феодализма) или на холме (античность). Античные «полисы» в эпоху архаики (времена Гомера и Гесиода) образовались в результате массового переселения ремесленников со своими кузницами, сыроварнями, маслобойнями, ткацкими станками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Древней Греции жильем стал не домос, а экос — дом на одну мастерскую семью.

В процессе сословной миграции возникает такая закономерность: культура переселенцев на свободных территориях повышается до уровня более высоких сословий. Так, рабы при миграции становятся рабовладельцами (как минимум, по своей психологии и тяге к роскоши), вассалы — сеньорами, пролетарии — капиталистами, холопы — шляхтой. Так было и в развитом европейском средневековье, когда купеческие «цеха», «гильдии» обзаводились рыцарскими штандартами, эмблемами, пирушками, корпоративным образом жизни. Купцы ощущали себя рыцарями. Аналогичным образом в античном полисе мастерские домовладельцы позиционировали себя не подневольным мастерским сословием, а суверенными «басилеями» (царьками).

В результате массовой миграции мастерского населения на свободные территории экономика стала «капиталистической», а культура «аристократической» (как бы «дворцовой»). Свободная территория (не предполагающая значительного сопротивления) сама по себе вызывает «пассионарность», энтузиазм. Философы, нагруженные «материалистическим пониманием истории», отказываются верить в капитализм «темных веков» (а он был), равно как в аристократизм вне дворцовых культур. Историки, в свою очередь, довольно вздорно понимают динамику образования полиса в качестве «разложения родового строя», «утрату патриархальных традиций». Антиковеды, вторя историкам, изобретают свои формулы типа «от мифа к логосу», довольствуясь красотой этой фразы.

Соседние народы, окружающие полисы Эллады, все без исключения были тоже «переселенцами», только из разных сословий. Македония на севере и Персия на юго-востоке были «дворцовыми цивилизациями; Фракия на северо-востоке тяготела к «казачеству»; по островам хозяйничали переселенцы-пираты со своей субкультурой в виде городков, мастерских, питейных заведений. Рано или поздно сословная культура переселенцев становилась традиционной: появлялись свои формы хозяйствования, традиции досуга, культ, формы искусства. Что-то становилось типичным и затем повторялось в истории «архетипами». Например, пиратство воспроизводится в любой цивилизации, как и деспотии с яркой дворцовой культурой по типу Древнего Востока. Повторяемость типов жизни О. Шпенглер называл «морфологией мировой истории». Эллинские «полисы» тоже повторялись в истории, начиная с Древнего Рима и кончая «городами-коммунами» Европы, породившими бюргерство (буржуазия — во французской транскрипции).

В разных типах культуры типы поселения были разными, разными были и «улицы». В дворцовых культурах вряд ли можно вообще говорить о существовании такого понятия: внутри цитадели нет улиц, это скорее «коридоры»; среди трущоб за пределами дворцов улицы более напоминают «проходы». В казачьих станицах улица тоже понятие условное: проезжая часть между домами, никак не оформленная. В городах

Европы и Востока улица предполагает не только проход и проезд, но и наличие магазинов, лавок, мастерских. В античном полисе у улицы своя специфика — «дорога к своему дому», в которую семья вкладывает большую часть своих доходов. Это именно тот элемент культуры «полиса», который привел к феномену «схолэ» (образованного досуга — публичного, открытого, на свежем воздухе, в нарядных одеждах), без которого феномен философии (в ее западном варианте) никогда бы не состоялся.

Довольно показательно, что вся философская деятельность Сократа проходила на свежем воздухе, на улицах. В диалогах Платона в качестве обычной завязки сюжета фигурирует рассказ о том, что кто-то кого-то встретил на улице. Философствовать в закрытом помещении, даже в условиях вечерней пирушки друзей («симпозиума»), было не принято. Платон организовал свою школу на спортивной площадке вокруг статуи Аккада, Аристотель тоже выбрал себе парк вокруг статуи Аполлона Ликейского; еще одна крупнейшая философская школа Зенона-стоика возникла в галереях портика Пестрого (в росписях Полигнота). Одна из причин «уличного» источника философии связана с тем, что улицы были благоустроеннее интерьера зданий, не говоря уже о доступности, публичности, зрелищности всех бесед. Улица, особенно с учетом портиков, была, по сути, одновременно сценой, кафедрой и даже частью домашнего интерьера.

В теории культуры существует понятие «сакральное пространство». Им может быть храм, а может быть кладбище. Может быть спальня или, напротив, кухня. Может быть кабинет, гостиная, а может быть тюрьма или военный плац. В античном полисе таким «сакральным пространством» была улица. Улица была не только «видовой» — с организованным видом на окрестности, — но сама была той выставкой, на которую экспонатами являли себя граждане полиса. Принято было «видеть друг друга насквозь»: по осанке, по жестам, по одежде, по взгляду, по разговору. Формировалась культура пронизательности, характерная изначально для придворного общества. Улица регулировала нюансы поведения и чувственности, без которых эстетика «изящных искусств» вообще невозможна. Улица приучала не только смотреть, но и видеть: замечать малейшие детали, читать чужие мысли, видеть невидимое. В какой-то степени улица приучала к выставке, еще до появления самих выставок и даже изящных искусств.

Довольно странно, что во всей исторической литературе «улица» в античном городе как будто не существует; все разговоры об «агоре». Даже такой внимательный исследователь античности, как Вл. Татаркевич, улице не уделяет никакого внимания [Татаркевич, 1977]. Казалось бы, для уяснения исторических деталей было бы резонным обратиться к истории и трудам историков. Однако там ждет конфуз. Историки не уделяют внимания не только улице, но и дому. Они не знают различия экоса и домоса. Например, один из авторов многотомной «Истории Европы» походя изобретает странную конструкцию — «аристократический ойкос» [Андреев, 1988, с. 227], видимо, понимая под ойкосом «дом вообще». Но ойкос (экос) — не дом вообще, а дом, совмещающий жилье с мастерской. И ничего «аристократического» в таком доме быть не может. В той же главе исторической энциклопедии под названием «Архаическая Греция» автор объявляет о двух противоречащих формах раннегреческого полиса: один в Афинах, другой в Спарте. «Причем, — уточняет он, — мы не должны упускать из виду то общее между ними, что позволяет считать их двумя разновидностями одного и того же типа государства, а именно полиса» [там же, с. 253]. О том, что в Спарте не было «ойкосов», без которых нет и «полиса», автору не приходилось задумываться. И это неудивительно: «В роли основного градообразующего элемента, — пишет ученый историк, — выступало свободное крестьянство» [там же, с. 241]. Возникает вопрос: весь город-полис занят ремеслом в расчете на рынок, а населяют его «крестьяне»? Следующее «уточнение» тоже обескураживает: «Сам город мыслился греками

в первую очередь как политический (административный), военный и религиозный центр государства...» [там же, с. 241]. Но город — не центр государства, а само государство. Более того, государством в определенной мере является каждое домовладение, так что поселение, состоящее из домовладений, есть нечто подобное конфедерации или империи. Сельские окраины полиса вполне можно назвать римским термином «провинция», то есть «завоевание».

Историки, конечно, замечают, что крито-микенская цивилизация — это один тип цивилизации, а Эллада после архаического периода (XII—IX вв.) — другой. Все «объяснения» появления цивилизации другого типа у историков сводятся к «появлению железа» (X в. до н. э.), «великой колонизации» (VIII—VII вв.) и «разложению патриархально-родового строя». Хорошо, что у медиков такого рода «объяснения» остались в прошлом: у больного температура, потому что он заболел.

Конечно, историки философии вынуждены обращаться к истории, археологии, лингвистике, филологии, — только само состояние этих наук очень часто приводит к разочарованию. Иногда история философии начинает идти на поводу конкретных наук. Тогда появляются однообразные заявления о происхождении западной философии: «греческое чудо», «переход от мифа к логосу», «зарождение науки», «рационализация мышления», «секуляризация», «колонизация». Как будто после всего набора «факторов» до философии остается один шаг.

Конечно, набор уникальных факторов имел место: и климат, и изрезанность береговой линии, и колонизация, и наличие письменности — да мало ли что еще. Но вопрос о происхождении западной философии не сводится к «влияниям», а стоит жестко: почему в некоторых странах философия не возникает никогда? Почему в некоторые исторические эпохи философия не возникает ни у кого? Почему, наконец, в числе оригинальных философов никогда не бывает женщин (что не исключает их философской эрудиции)? Почему философия западного типа возникла лишь в одной стране (Элладе), лишь в определенный период (VII—VI вв. до н. э.) и далее лишь распространяется подобно диффузии культуры по другим временам и странам?

Конечно, идея связать истоки западной философии со спецификой «полиса» совершенно оправданна, только ее вряд ли следует заполнять абстрактными фактами. Факты нужны, но совсем другого рода. Когда О. Шпенглер утверждает, что «античная этика была этикой осанки», — это факт, но не музейный и не археологический. Об этом факте говорят все пластические искусства античности. Точно так же О. Шпенглер заявляет: «Дом — наиболее чистое выражение расы из всех, какие только бывают» [Шпенглер, 2009, с. 155]. Факт состоит в том, что дом не сводится к зданию. Дом может быть даже «домом на колесах», «машиной для жилья» (Л. Корбюзье), руинами, халупами, улицей — человек не может жить без «своего дома».

О том, сколь трепетным было отношение горожан в полисе к своему дому, красноречиво свидетельствует Ксенофонт, современник Сократа (и спасенный им во время боев). Оказавшись в изгнании и став писателем, Ксенофонт оставил потомкам не только «Воспоминания о Сократе», но и трактат «Домострой». По ходу повествования Сократ желает лично увидеться с человеком, которого характеризовали «прекрасным и хорошим человеком». Таким оказался домовладелец по имени Исхомах. В его домовладении все идеально, все вещи на своих местах, даже любимая жена нравится без белил и румян. Домохозяйева, муж и жена, сознательно заняты физическими работами: и делу полезно, и здоровью. Слуги помогают по хозяйству, исполняют работы — хозяйева не забывают их похвалить и наградить за аккуратность и исполнительность. Домовладелец любит собак и лошадей, любит выезжать за город смотреть за полевыми работами, очень нахваливает труд на земле. И доход, и здоровью полезно. Сократ:

«Клянусь Герой, Исхомах, сказал я, мне нравится твой образ жизни: такое одновременное сочетание способов для укрепления здоровья и силы с военными упражнениями и заботами о богатстве — все это, по-моему, восхитительно» [Ксенофонт, 1993, с. 235].

Дом, город, цивилизация связаны между собой, и это тоже факт. Архетип городов Древнего Востока ясен: город возникает вокруг храма, на равнине, на искусственном холме. Храм окружается крепостными стенами, во дворе строится дворец с «мегароном». За пределами цитадели хаотичная застройка «временного жилья», сквозь которую при необходимости прокладываются прямые улицы. К краям улицы пристраиваются торговые лавки. Появляется «знать» — население цитадели, часть которого никогда не покидает дворца.

В Элладе ойкос (экос) возникает в результате миграции не крестьян, не заблудившихся воинов, не в результате завоевания новых территорий тем или иным деспотом, а в результате переселения на свободные территории ремесленного населения вместе со своими семьями. Экос и полис семейны по существу, но не в результате «патриархальных отношений родового строя». Архитектура экоса предзадана не предыдущими формами жилья, а символом цитадели: дом-крепость на горе (в другой исторической эпохе тем же символом станет замок). Но мастерская на горе не практична из-за логистики. Возникает архитектурно-экономический компромисс: свой каменный дом (с внутренним двориком) на холме. Не дворец, но каменный дом; не гора, так холм. Домовладелец вполне может позиционировать себя в качестве «басиля» («царька») с соответствующими функциями военного вождя (главы домашнего ополчения), священнослужителя и хозяйственника.

Античный город возникает на холмах и застраивается сверху вниз; между холмами никто строить не желает по символическим соображениям — так на пустыре возникает «агора» (у эллинов) и «форум» (у римлян). Каждый домовладелец ощущает свое домовладение в качестве собственного государства, заключая с соседними домами-государствами письменные договоры. Грамотность в полисе становится всеобщей. Полис — городское поселение ремесленников, поэтому в каждом доме специализированная мастерская, что делает неизбежным существование рынка и товарного производства на продажу. Поэтому в полисе возникает особый экономический уклад, который уместно называть «античным капитализмом».

Насколько эффективным был античный капитализм, могут свидетельствовать такие факты. Кредит был доступным всем домовладельцам, исходя из ста и более процентов годовых. Товаропроизводители были монополистами в пределах полиса. Рабочей силой при «семейном подряде» являлись дети. Ребенка можно было сдавать в аренду в счет погашения кредита: по одному из законов «не больше чем на три года». Не без цинизма действовало правило «Деньги делают человека». Рабства на момент возникновения полисов не существовало, но в перспективе оно было неизбежным.

Возникновение «эпохи семи мудрецов» совершенно понятно с точки зрения того, что такое экос и полис, одос (улица) и схолэ (досуг) в их конкретном и специфичном наполнении. Но начало античной философии связывают не с мудростью, а с «физикой» («физиологией» — слово о природе). Все учения «о природе» вписывались в терминологию ремесленной мастерской — стоит ли этому удивляться? Полисы, в которых появлялись «физиологи», были городами, собранными из мастерских. Удивительно не ремесленное содержание первых «философских учений о природе», а сам факт того, что мастеровой люд, включая домовладельцев, посмел выдвинуть свое понимание мира (пусть сколь угодно ущербное). Учения Фалеса, Анаксимандра, Гераклита не столько учения, сколько манифесты с требованием понимать природу по аналогии с мастерской, без обращения к преданиям. Надо признать, что манифесты нравились

публике, вызывали живой интерес на протяжении пары столетий. Со временем амбициозные манифесты «натурфилософов» трансформировались в «учения» со своей аргументацией, наблюдениями, пояснениями, принимая тем самым вид науки (аналогичным образом в средневековых университетах сложилось богословие). Таковы, например, учения об атомах Левкиппа и Демокрита, апории Зенона Элейского, «музыка небесных сфер» Пифагора.

Что было «философского» в учениях натурфилософов, так это дерзость. При своем возникновении западная философия не придерживалась девиза «Один за всех, и все за одного». Скорее, девизом было обратное: «Один против всех, потому что прав». Важен не спор ради спора, и даже не победа в споре, а правота за счет вскрытия ложности популярных взглядов. Первые натурфилософы выдвигали концепции, ложность которых вскрывали друг у друга. В этом, между прочим, был момент шоу, «веселой науки».

До Сократа античная философия колебалась между шоу и наукой; софистика лишь зафиксировала этот момент. Сократ, типично «уличный» философ, своей «иронией» придал всей западной философии серьезный характер. Серьезность состояла в обнаружении того, что художники не знают, что такое красота; музыканты не знают, что такое музыка; врачи не знают, что такое здоровье; педагоги не знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Всем взрослым людям хватает навыков и опыта, но не хватает проницательности; обидно это или смешно, каждый решает сам. Сократ изобрел простой путь в глубину понимания: надо взять слово и попытаться его «определить». Оказалось, что сделать это чаще всего не просто: слова ускользают от определения.

Античная философия «классического периода» (Сократ, Платон, Аристотель) под «мудростью» понимает умение раскрывать в словах знания. Уместно провести такую аналогию: люди принимают пищу — они знают, что едят? Люди называют продукты, знают названия блюд, различают съедобное и несъедобное, но могут ничего не знать о витаминах, жирах, углеводах. Человеческий опыт аккумулирован в языке, но переход от слов к знанию требует особых усилий, чему призвана способствовать философия. Классическая античная философия привела к возникновению «науки логики», а с опорой на логику философия приобрела строгий характер и затребовала знаний, которые стали «наукой».

Естественно, что логика применима к терминологии из разных сфер жизни: к военному искусству, к медицине, к литературе, к повседневной жизни, — поэтому посредством логики классическая античная философия приобрела универсальный характер. В каждой сфере деятельности есть своя терминология: у военных своя, у медиков своя, у политиков своя, у физиков своя. При логическом подходе к профессиональной терминологии появляются соответствующие разделы: философия войны, философия здоровья, философия политики, философия науки, философия искусства.

Чтобы не перечислять разные направления философской мысли, иногда используют выражение «мировоззрение», оговаривая, что это мировоззрение не повседневное. Является ли философское мировоззрение «научным»? Этот вопрос лишен смысла. Философское мировоззрение является философским. Это означает, что профессиональная терминология любого знания, включая научное, подвержена логическому анализу. Естественно, что профессиональные термины в любой науке логически связаны между собой (формулами, принципами, классификациями), однако эти связи всегда не полны, а все определения терминов в конечном счете определяются друг через друга. Когда логический анализ вскрывает алогичность профессиональной терминологии, он называется «метафизикой».

Как выглядел метафизический анализ во времена античной философии, можно показать на таких примерах. Например, деньги: в быту это «богатство», у экономистов «особый товар». Метафизически деньги — это орудие при активной позиции гражданина в городе. Житель деревни может быть активным без денег, житель города не может. Из этого можно сделать много выводов, в том числе такой: если активность горожан направлена на процветание города, им нужны деньги (кредиты, фонды); если не направлена, они им не нужны (налоги). Другой метафизический пример: частная собственность — это не вещи, а отношения между людьми по поводу вещей (Аристотель). Точно так же в математике: числа — это не количество вещей при счете, а отношения: равенства, неравенства, превышения, обращения. Например, на чашах весов приравниваются друг другу и вступают в отношения совершенно разные вещи. Многие виды чисел возникают в результате «обратных отношений». Так, если из меньшего числа вычитать большее, возникают «отрицательные числа». А если извлечь корень квадратный из числа два, то возникнет иррациональное число без строгой величины. Математическая терминология требует значительных метафизических рассуждений. Метафизика профессиональной терминологии не является теорией, но она требует перехода от опытных знаний к теоретическим. По этой причине математика Евклида или Архимеда стала возможной после метафизики Аристотеля, то есть применения логики к профессиональной терминологии.

Когда речь заходит о логике, возникает искушение объявить о рационализации, о переходе от мифа к логосу. Но история науки свидетельствует о другом. С XII века в Европе стали возникать университеты, где наряду с философией, медициной и юриспруденцией ввели «науки о Боге» и открыли богословский факультет. Богословы точно так же, как античные натурфилософы, были не лишены юмора: «Может ли Бог создать такой большой камень, что сам не сможет поднять?» Университетские богословы столетиями творили мифологию Абсолюта с субстанциями и акциденциями, модусами и атрибутами, интенциями и ипостасями. Богословие по методу (логика) — наука, по предмету — миф.

Возникновение логики в разные времена и в разных странах не редкость. Применение разное. Можно строго логически строить мифы или математические теории. Можно саму математику выстроить логически. Можно естествознание излагать математически. В античный период западной философии логику обратили друг против друга. Сначала это было забавно, потом полезно. Ирония Сократа не была дружеской, не была лицеприятной и комплиментарной. Это само по себе не соответствует, например, индийской этике: не говори правду, если она неприятна; не говори приятное, если это неправда; говори правду, когда она приятна. Для западной философии характерна, как я уже сказал, дерзость: не знаешь — не говори; знаешь правду — не молчи. Позднее Данте добавит: «Следуй своей дорогой, пусть люди говорят что угодно». На этом пути были жертвы, начиная с Сократа.

Сравнивать философию Запада и Востока не очень уместно, особенно с точки зрения их истоков. На Востоке вся философия существует в качестве обновления традиций, традиционного знания по цепи ученической преемственности. Традиции восходят к «откровениям», к пророкам — в традициях много правды. Времена, народы, языки меняются, скрывая правду откровений. На Востоке мудрые ей внимают и к ней возвращаются. В западной философии такая позиция называется «теософией» и известна со времен Пифагора. Если бы западная философия возникала среди аристократии придворного общества, она обязательно бы нашла себя в теософии (например, масонство), но западная философия возникла среди ремесленного люда с правами домохо-

заяв, в городе мастеров. Ксенофонт считает величайшими добродетелями, когда жена богатого домовладельца учит слуг ткать на станке, сама хлопает половички, подает пример аккуратности и рачительности, а домовладелец организует производство товаров на продажу и сам сажает деревья в собственных садах. Такими были горожане той эпохи в своем большинстве. Им нравилось жить в своем доме в здоровом климате, трудиться, богатеть «не по дням, а по часам», общаться с равными себе соседями и сообща решать проблемы водопровода и обороны. Кризис семьи оборвал идиллию, жадность до денег смела патриотизм. Спасла улица: встречались, обсуждали, горевали, смеялись. Потом принимали сообща решения. Философия, наука, искусства появлялись по случаю, но замечались, приветствовались и вдруг становились обязательной культурой.

Обычно у всех народов другая ситуация: неумение оценить любое мастерство, хоть малое, хоть большое. Вот типичная ситуация российской повседневности:

Я написал стих.
«Не Пушкин», — мне говорят.
Я наиграл сонет —
«Ты совсем не Башмет».
 Я ходил на этюды
 И написал полотно.
 «Уймись, — мне говорят, —
 Ты не Анри Моро».
Я пошел на войну.
Шлю оттуда письмо.
«Ты не Стендаль», — говорят
И не читают его.
 Я ближнему сердце отдал.
 «Ты не Христос», — говорят.
 А сами вы кто,
 Живущие напрокат?

Литература

- Античная Греция. Антология. Часть 1. М.: Высшая школа, 1989.
Андреев Ю. В. Архаическая Греция // История Европы. Т. 1. М.: Наука, 1988.
Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
Гомперц Т. Греческие мыслители. Мн.: Харвест, 1999.
Костецкий В. В. Вводный курс философии. Тюмень: ТюмГУ, 2000.
Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
Татаркевич В. Античная эстетика. М.: Искусство, 1977.
Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996.
Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
Шпенглер О. Закат западного мира. Очерк морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Ак. проект, 2009.